

УДК 141.319.8
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-20-32>
<https://elibrary.ru/bccrco>

Поступила: 11.11.2025
Принята: 02.02.2026
Опубликована: 02.04.2026

ОНТОЛОГИЯ ЦИФРОВОЙ АСКЕЗЫ: ПРАКТИКИ ДЕАЛГОРИТМИЗАЦИИ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ Л.Н. ТОЛСТОГО

Когай Евгения Анатольевна,

Курский государственный университет (Курск)

Кузнецов Андрей Владимирович, Акапьев Виктор Львович

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина (Белгород)

Статья представляет философско-антропологическое исследование кризиса смысла в эпоху тотальной цифровизации, осуществляемое через герменевтику литературного и философского наследия Л.Н. Толстого. В качестве методологической основы используется сравнительный анализ, позволяющий выявить структурные аналогии между формами отчуждения, описанными классиком, и патологиями современного информационного общества. Анализируется кризис идентичности в условиях гиперинформационности, который интерпретируется как гиперсимуляция смысла. Авторы утверждают, что архитектура цифровых платформ, основанная на экономике внимания и алгоритмической регуляции, порождает децентрированного субъекта. Его идентичность дробится в множестве симулякров, а когнитивные ресурсы подвергаются эксплуатации, ведущей к информационно-энергетическому отчуждению и утрате суверенитета сознания. Демонстрируется диалектика отчуждения — от интерперсонального (страсть как метафизическая пропасть между Я и Другим) к интраперсональному (драма отношения человека с собственным смысложизненным вакуумом). Эти тексты рассматриваются как комплементарные проекции единой философской проблемы. Анализируется парадокс технологического рабства. Вскрывается диалектика кажущегося господства и реальной зависимости в отношениях человека и искусственного интеллекта, где инструментализация Другого оборачивается самоинструментализацией человека, добровольно встраивающего себя в логику алгоритмической эффективности. Констатируется переход от исторических форм антропологического отчуждения к принципиально новой — датафикации Dasein. Это процесс онтологической редукции, при котором уникальная экзистенция человека подменяется исчислимым Data-образом, а живой поток переживания дробится на дискретные data-points. В результате интерсубъективность, понимаемая в традиции М. Шелера, редуцируется до транзакционного обмена сигналами, лишённого эмоциональной глубины. Авторы полагают, что наследие Толстого можно рассматривать как строгий герменевтический ключ для диагностики современности. Ответом на вызовы цифровой эпохи предлагается не технофобия, но толстовская экзистенциальная аскеза, направленная на утверждение нередуцируемой правды человеческого бытия перед лицом его алгоритмической симуляции.

Ключевые слова: философско-антропологическая деконструкция, герменевтика, неподлинное существование, датафикация, dasein, интерсубъективность, дистрибуция, экзистенциальная аскеза, алгоритмическая рациональность, симуляция человеческого.

Для цитирования:

Когай Е.А., Кузнецов А.В., Акапьев В.Л. Онтология цифровой аскезы: практики деалгоритмизации и восстановления суверенитета сознания в контексте философии Л.Н. Толстого // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 1. С. 20–32. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-20-32>. EDN: BCCRCO

THE ONTOLOGY OF DIGITAL ASKĒSIS: RECLAIMING THE SOVEREIGNTY OF CONSCIOUSNESS THROUGH PRACTICES OF UNDOING ALGORITHMS IN THE LIGHT OF TOLSTOY'S PHILOSOPHY

Evgeniya A. Kogay,

Kursk State University (Kursk)

Andrey V. Kuznetsov, Viktor L. Akapev

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia (Belgorod)

The article presents a philosophical and anthropological investigation into the crisis of meaning in the era of total digitalization, conducted through a hermeneutic analysis of the literary and philosophical legacy of Leo Tolstoy. The methodological foundation is comparative analysis, which allows for the identification of structural analogies between the forms of alienation described by the classic author and the pathologies of contemporary information society. The paper analyzes the crisis of identity under conditions of hyper-informativity, interpreted as a hypersimulation of meaning. The authors argue that the architecture of digital platforms, based on the attention economy and algorithmic regulation, gives rise to a decentered subject. This subject's identity fragments into a multitude of simulacra, while the subject's cognitive resources are subjected to exploitation, leading to informational-energetic alienation and a loss of sovereignty of consciousness. The dialectic of alienation is demonstrated: from interpersonal (passion as a metaphysical abyss between the "Self" and the "Other") to intrapersonal (the drama of a human's relationship with their own existential vacuum). These texts are considered complementary projections of a single philosophical problem. The study proceeds to analyze the paradox of technological slavery. The paper reveals the dialectic of apparent dominance and real dependence in the relationships between humans and artificial intelligence, where the instrumentalization of the "Other" turns into the self-instrumentalization of the human who voluntarily integrates themselves into the logic of algorithmic efficiency. A transition from historical forms of anthropological alienation to a fundamentally new one – the datafication of Dasein – is stated. This is a process of ontological reduction in which the unique human existence is substituted by a calculable Data-image, and the living stream of experience is fragmented into discrete data-points. As a result, intersubjectivity, understood in the tradition of Max Scheler, is reduced to a transactional exchange of signals, devoid of emotional depth. Tolstoy's legacy is positioned as a rigorous hermeneutic key for diagnosing modernity. The proposed response to the challenges of the digital age is not technophobia, but Tolstoy's form of existential asceticism aimed at affirming the irreducible truth of human existence in the face of its increasingly perfect algorithmic simulation.

Keywords: philosophical and anthropological deconstruction, hermeneutics, inauthentic existence, datafication, Dasein, intersubjectivity, digital alienation, existential asceticism, algorithmic rationality, human simulation.

To cite:

Kogay E.A., Kuznetsov A.V., Akapev V.L. [The ontology of digital askēsis: reclaiming the sovereignty of consciousness through practices of undoing algorithms in the light of Tolstoy's philosophy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 1, pp. 20–32 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-20-32>, EDN: BCCRCO

Введение

В рамках философско-антропологического анализа современности кризис эпохи тотальной

цифровой гиперинформационности предстает как форма экзистенциального вакуума. Его генезис обусловлен не дефицитом смысла, но, парадоксальным образом, его гиперсимуляци-

ей. Архитектура господствующих информационных систем, фундированная принципами экономики внимания и алгоритмической регуляции, приводит к конституированию принципиально децентрированного субъекта. Его идентичность фрагментируется во множестве цифровых симулякров, а когнитивные и перцептивные ресурсы подвергаются систематической эксплуатации через механизмы перманентной перегрузки. Следствием этого является феномен тотального информационно-энергетического отчуждения и утраты суверенитета сознания, что маркирует антропологическую редукцию человека в условиях цифрового детерминизма. В данном контексте требуется терминологическое уточнение. В современном философском и культурологическом дискурсе, восходящем к концепции Ж. Бодрийера, понятие симулякра прочно связано с логикой симуляции, утраты референта и погружения в гиперреальность. Именно это значение, а не альтернативные концептуализации (как, например, у Ж. Делеза), является операциональным для описания феномена цифровых профилей-двойников, утративших связь с аутентичной самостью и функционирующих как автономные знаки в гиперреальности медийной среды. Данная терминологическая конкретизация не отменяет сути аргументации, но, напротив, усиливает ее, позволяя точно артикулировать природу антропологической трансформации, при которой идентичность субъекта подменяется множеством ее симулятивных и отчужденных репрезентаций. Таким образом, кризис проявляется как фундаментальное расщепление человеческого бытия между аутентичным существованием и его симулятивным цифровым двойником, порождаемым логикой алгоритмических систем.

В качестве формы экзистенциального сопротивления данной системе отчуждения возникает феномен технологической аскезы. Она понимается не как утилитарный «детокс», но как осознанная практика неподчинения, обретающая свою философскую проекцию в учении Л.Н. Толстого о «непротавлении злу насилием» и «сознательном самоограничении». Подобно тому, как толстовское опрощение представляло собой акт непротавления ложным авторитетам цивилизации через отказ от участия в ее отчуждающих ритуалах, современный цифровой аскетизм, будучи практикой радикальной редукции

медийного шума и алгоритмического диктата, выступает формой экзистенциального утверждения. Его цель — рекультивация внутреннего пространства субъективности и обретение онтологического суверенитета перед лицом деперсонализирующих технологических процессов. При этом ключевое отличие заключается в основном векторе сопротивления: если современный аскет ориентирован на преодоление внешнего технологического детерминизма, то толстовский герой — на борьбу с диктатом внутренней неподлинности и «общего шаблона».

Новизна предлагаемого подхода заключается, таким образом, не в тривиальной констатации «губительности цифровой реальности», а в разработке конкретного герменевтического инструментария. В качестве такового предлагаются философско-антропологические категории Л.Н. Толстого, позволяющие осуществить глубокую концептуализацию современных процессов. Речь идет не о проведении поверхностных параллелей, а о демонстрации операциональности толстовских понятий («неподлинность», «опрощение») и отчужденного «общего шаблона» для критического анализа фундаментальных явлений цифровой эпохи — алгоритмической рациональности, перформативной идентичности и тотальной датафикации человеческого существования. Это позволяет перейти от описания симптомов кризиса к его сущностному, философски артикулированному осмыслению.

Комплементарные проекции отчуждения

В «Крейцеровой сонате» Л.Н. Толстой осуществляет вивисекцию человеческой страсти, обнажая ее как деструктивную силу, которая не просто искажает межличностные отношения, а порождает метафизическую пропасть между человеческими «Я» [Толстой Л.Н., 1999а]. Однако, эксплицировав диалектику страсти в ее *интерперсональном* измерении, исследователь сталкивается с необходимостью смещения фокуса с интерперсонального на интраперсональный: если слепая страсть столь катастрофична в пространстве отношения «Я – Другой», то каковы ее последствия для внутренней организации самого субъекта, для его душевного строя и поиска онтологических оснований бытия? Этот вопрос требует перехода от анализа внешних проявлений отчуждения к его *интраперсональным* истокам, что предполагает обращение к тексту, в котором Толстой проводит

тотальную рефлекссию собственного духовного кризиса. Таким ключевым текстом, вскрывающим внутренний механизм того же явления — подмены подлинного бытия ложными жизненными ориентирами, — становится «Исповедь» [Толстой Л.Н., 2024], где предметом анализа оказывается уже не драма отношений между людьми, а драма отношения человека с самим собой, с собственным смысложизненным вакуумом. Данный методологический поворот позволяет рассматривать «Крейцерову сонату» и «Исповедь» как комплементарные проекции единой философской проблемы: первая демонстрирует ее социально-антропологическое измерение, вторая — ее экзистенциально-онтологический фундамент. В современном прочтении цифровая дистракция в этой парадигме осмысливается как форма бегства от экзистенциальной тревоги и смысложизненных вопросов, которые Л.Н. Толстой с феноменологической ригористикой поднимает в своих текстах. Здесь ригористичность отражает бескомпромиссную, строгую и дисциплинированную последовательность, с которой Л.Н. Толстой проводит этот анализ, не позволяя себе и читателю уклониться от самых неприглядных и пугающих выводов.

Именно анализ толстовского понимания отчуждения, где технология предстает новой формой бессмысленного страстного опьянения, закрывающего путь к подлинному бытию, позволяет нам перейти к ключевой аллюзии — «Исповеди». Подобно тому, как сам писатель пытался заполнить экзистенциальную пустоту общественной деятельностью, писательством и семейной жизнью, прежде чем признать их недостаточность, современный человек погружается в бесконечный поток диджитальных (цифровых) стимулов, чтобы избежать встречи с главным вопросом: «Есть ли в моей жизни смысл, который не уничтожится неизбежной смертью?». В своей «Исповеди» Л.Н. Толстой с суровой ясностью описывает, как светская суэта — балы, карты, сплетни — служила его современникам мощным щитом от вопросов о смысле жизни и неизбежности смерти. Это было бегство от экзистенциальной тревоги в ритуализированную деятельность, призванную заглушить внутренний голос.

Современность возвела это избегание в абсолют, превратив его в индустрию дистрибуции. Бесконечный скроллинг телеграмм-

каналов, навязчивый стриминг, компьютерные игры — все это функционирует как глобальная и высокоэффективная система анестезии сознания. Она предлагает не временное забытие, как пьянство у Толстого, а перманентный цифровой наркоз, отучающий сам рефлексивный мускул напрягаться.

Парадокс технологического рабства: самоинструментализация человека и утрата субъектности в контексте философии Л.Н. Толстого

Такие технологии, как VR и метавселенные, являются наиболее совершенным способом бегства от экзистенциальной тревоги в наши дни — это уже не просто отвлечение, но конструирование альтернативной реальности, где экзистенциальные вопросы просто не имеют места. Если толстовский герой играл в карты, чтобы не думать, то современный человек надевает шлем, чтобы не существовать в мире, где такая мысль вообще возможна. Цифровая индустрия, таким образом, системно и рентабельно эксплуатирует базовый человеческий страх перед конечностью и бессмысленностью: «Понимание самим человеком изменений и происходящих процессов в обществе и в самом человеке, помещенного в цифровом пространстве, вырабатывает адаптационные механизмы в современном мире и ведет к переосмыслению традиционных моделей поведения и взаимодействия» [Кузнецов А.В. и др., 2025, с. 38].

Если механизмы адаптации к новой реальности являются коллективным ответом человечества на внешние изменения, то в творчестве Толстого мы видим глубоко личностное, экзистенциальное измерение этого процесса. Этот путь от межличностного отчуждения («Крейцера соната») к экзистенциальному бегству («Исповедь») закономерно подводит нас к следующей аллюзии, которая синтезирует оба аспекта в новой, технологической реальности. Ею становится притча «Хозяин и работник». Если в оригинале Толстой исследует отношения помещика Брехунова и его крестьянина Никиты, основанные на инструментальной логике, где человек рассматривается как средство для достижения цели, то в современном контексте эта парадигма проецируется на отношения человека и искусственного интеллекта (ИИ). В нормальной инструментальной логике отношение Брехунова к Никите как к автономному ин-

струменту, функциональному элементу системы, освобождающему хозяина от рутинной мысли. Василий Андреевич знал, что Никита делает все, что нужно, и мог не заботиться [Толстой Л.Н., 1999с].

Кто в этой новой конфигурации становится «хозяином» — тот, кто отдает команды, или тот, кто детерминирует саму возможность выбора? И кто «работник» — алгоритм, исполняющий поручения, или пользователь, чье сознание и потребности теперь опосредуются и формируются цифровой средой? Эта аллюзия позволяет вскрыть диалектику кажущегося господства и реальной зависимости, исследуя, как инструментализация Другого (будь то человек или машина) оборачивается самоинструментализацией человека, добровольно встраивающего себя в логику алгоритмической эффективности.

В притче о господине и работнике Толстой являет нам парадокс антропологической зависимости: создав раба для обслуживания своих нужд, господин сам оказывается в рабской зависимости от его труда, погружаясь в состояние духовной летаргии. Сегодня этот парадокс обретает новое, зловещее измерение в контексте технологического уклада. Стремясь создать искусственный интеллект как совершенный инструмент, человек не замечает, как сам оказывается в униженной зависимости от его прескриптивных решений, т.е. ИИ как «прескриптивная модель, указывает как мы *должны* принимать решение» [Болбаков Р.Г., 2017, с. 8].

Этот процесс можно описать в терминах фундаментального отказа от субъектности: передача алгоритмам функций селекции и принятия решений оборачивается не только операционной эффективностью, но и созданием системной уязвимости. Эта уязвимость проявляется одновременно на двух уровнях: как утрата экзистенциального суверенитета личности и как кризис ее информационной безопасности. Добровольное ограничение критического мышления в пользу алгоритмического детерминизма подрывает саму возможность автономного суждения, превращая пользователя в эпистемически зависимого агента, чья когнитивная и ценностная автономия становится объектом внешнего управления.

Таким образом, подобно толстовскому барину, мы погружаемся в иллюзию комфорта, в новую форму духовной спячки, где за нас думает и решает наше же создание. Парадокс со-

временного «технологического рабства» заключается в том, что оно не навязывается извне цепями, но возникает как неизбежное следствие нашего стремления к абсолютному удобству, делая нас заложниками собственного гения. Л.Н. Толстой же критикует инструментальное отношение к самому человеку, открывая нам в моменте экзистенциального прозрения подлинную человеческую связь, основанную не на полезности, а на со/бытии, когда перед лицом смерти рушатся все социальные роли. Только перед лицом смерти Василий Андреевич понимает, что Никита был не просто орудием его воли, а был его другом, братом, близким человеком [Толстой Л.Н., 1999с].

От антропологического отчуждения к датафикации Dasein

Действительно, аллюзии на произведения Л.Н. Толстого высвечивают различные грани технологического опосредования. Творчество Л.Н. Толстого раскрывается как глубоко пронищательная система диагностики кризисов цифровой эпохи, где его антропологические прозрения служат точным инструментом деконструкции современных форм отчуждения. Обращение к его творчеству в данном контексте оказывается не просто литературным приемом, но мощным критическим инструментом, позволяющим выявить и осмыслить ключевые антропологические риски цифровой среды. Эти аллюзии выполняют несколько важнейших функций: они обнажают природу современных форм отчуждения, помещают их во вневременный исторический контекст извечной борьбы человека за аутентичность и, что наиболее существенно, напоминают нам, что технология — это лишь новая среда, ландшафт, в котором продолжает разворачиваться вечная драма человеческого самоопределения перед лицом смерти, смысла и Другого. А как именно эта «драма» разворачивается в данном конкретном ландшафте? Какие именно «формы отчуждения» здесь проявляются? В этой новой среде «представлен своего рода идеальный тип сознания, озабоченный свободой индивидуума и совершенно не принимающего и не понимающего связи его судьбы с судьбой рода, перспективами человечества как целого» [Кутырев В.А., 2009, с. 44].

Проведенные параллели с текстами Л.Н. Толстого убедительно демонстрируют, что

цифровые технологии по своей сути не создают принципиально новых экзистенциальных проблем, но с беспрецедентной силой радикализируют извечные дилеммы человеческого существования: бегство от свободы в неподлинность, подмену бытия — обладанием, а общения — опосредованным ритуалом. Его творчество, таким образом, становится уникальным ключом к критике технокапитализма (доминирование капитала, основанного на технологиях) как новой, алгоритмической ипостаси «ложной жизни», где роль толстовских «общих шаблонов» и светских условностей исполняют платформенные алгоритмы, а цифровые симулякры — прежние ритуалы иерархического общения.

В этом свете ответом на вызовы цифровой эпохи закономерно видится не технофобия и не тотальный отказ от технологий, но толстовский императив сознательного, этически мотивированного упрощения. Это путь подчинения технологического инструментария фундаментальным вопросам подлинного человеческого бытия, возвращения к себе из цифрового лабиринта отрад через свободный и осознанный акт выбора. Толстой оказывается не только пронизательным диагностом болезней современности, но и провозвестником возможности исхода, предлагая не решение, а направление: обретение внутреннего «света», который не сможет затмить никакой внешний шум.

Таким образом, если толстовский императив направлен на обретение внутреннего «света» человеческой субъективности, способного противостоят любому внешнему шуму, то современная цифровая среда, напротив, порождает принципиально иные формы отчуждения. Ключевой среди них становится антропологическое отчуждение и редукция к данным (датафикация), где уникальная экзистенция человека подменяется исчислимым (цифровым) профилем, а живая сложность души — набором поведенческих паттернов.

Антропологическое отчуждение, диагностированное Л.Н. Толстым в отчуждении человека от природы, труда и подлинной intersubjectivity, обретает в современную эпоху новое, радикальное измерение. К историческим формам отчуждения добавляется фундаментальный разрыв между индивидом и его цифровым двойником — Data-образом, конструируемым из ма-

шиночитаемых данных. Данный процесс, известный как датафикация, предполагает тотальную трансляцию человеческой экзистенции в количественные показатели: «Примером изучения цифровых практик является инициатива DiMPO (Digital Research Infrastructure for the Arts and Humanities). Данная инициатива, развивающаяся в рамках панъевропейского проекта DARIAH (Цифровые методы, практики и онтологии), направлена на изучение реальных изменений в исследовательских практиках в условиях “цифрового поворота”» [Володин А.Ю., 2018, с. 23]. При этом эмоции, социальные связи и привычки превращаются в сырье для извлечения прибыли, становясь объектом манипуляции со стороны платформенного капитализма, т.е. той экономической системой, которая дополняет предшествующий капиталистический уклад новой бизнес-моделью — «платформой», которая становится посредником между трудящимися и потребителями. Таким образом, целостный поток переживания, описанный Эдмундом Гуссерлем [Гуссерль Э., 2005], «составляющими которого являются феномены» [Павлова Е.Д., 2007, с. 427], подвергается дроблению на дискретные data-points — наименьшие единицы данных, которые можно обработать или проанализировать, что неминуемо ведет к утрате его экзистенциальной полноты и смысловой насыщенности.

С философско-антропологической точки зрения, данную трансформацию можно интерпретировать как онтологическую редукцию присутствия. Речь идет о присутствии, которое в богословской традиции понимается как способность нести истину не только словами, но самим фактом своего бытия.

Эта редукция находит свое выражение в низведении Dasein Мартина Хайдеггера — бытия, для которого его собственное бытие есть вопрос, — до статуса пассивного и исчислимого «данного». Такое бытие оказывается лишенным своей экзистенциальной вовлеченности, как если бы мы «принадлежали чему-то... случайно и временно» [Хайдеггер М., 2003, с. 501].

Сходным образом фундаментальному изменению подвергаются и intersubjective отношения, занимающие центральное место в философской антропологии Макса Шелера. Он утверждал, что «психологизм должен быть преодолен в философии, но антропологизм не мо-

жет быть преодолен... Самый факт существования человека есть разрыв в природном мире и свидетельствует о том, что природа не может быть самодостаточной и покоится на бытии сверхприродном» (цит. по: [Бердяев Н., 1993, с. 55]). Однако эта онтологическая уникальность человека, раскрывающаяся в глубоком встречном отношении Я и Ты, в современную эпоху нивелируется. Парадоксальным образом это соответствует шелеровскому же прогнозу о «содержательном уравнивании самих метафизических идей» [Шелер М., 1994, с. 127], в рамках которого он, несмотря на всю его радикальность, ожидал «все возрастающей, почти необычайной конвергенции основополагающих воззрений духовных элит» [Шелер М., 1994, с. 128]. Воплощением этого «уравнивания» на уровне повседневности становится опосредование человеческого общения цифровым интерфейсом, где живой диалог редуцируется до обмена сигналами (эмодзи, лайки). Это обедняет коммуникацию, низводя ее до уровня транзакционного взаимодействия, лишённого эмоциональной глубины и взаимного признания, — т.е. того самого смыслообразующего статуса, который изначально составлял суть интерсубъективности.

Это тотальное опосредование жизненного мира технологическими платформами находит свое крайнее выражение в изменении самого восприятия конечности человеческого существования. Экзистенциальное одиночество Ивана Ильича перед лицом не-бытия в современном контексте усугубляется тем, что даже интимный процесс умирания может быть опосредован и отчужден. Трансляция личного опыта болезни и умирания через хэштеги и посты в социальных сетях превращает его в публичный контент, тем самым лишая индивидуальное переживание его экзистенциальной глубины и уникальности. Следовательно, цифровая симуляция не преодолевает, но, напротив, углубляет антропологическое отчуждение, ставя под вопрос саму возможность аутентичного человеческого бытия в условиях его тотальной датафикации.

Если тотальная датафикация ставит под сомнение саму возможность аутентичного бытия здесь-и-сейчас, то закономерным следствием этого становится бегство от конечности — ключевого условия человеческой экзистенции. Это приводит нас к необходимости поставить такие

предельные вопросы, как конечность и симулякры бессмертия в эпоху ИИ, где технология предлагает не разрешение экзистенциальной тревоги, но ее иллюзорное подавление через цифровые суррогаты вечности.

От руссоистского «amour-propre» к цифровому отчуждению

Если предшествующий анализ фокусируется на актуальных, технологически опосредованных формах антропологического кризиса, таких как децентрированный субъект, симулякры идентичности и алгоритмическая гетерономия, то для понимания его экзистенциальных истоков необходимо обратиться к фундаментальной критике самой природы социальности, развитой Жан-Жаком Руссо. Его философская антропология раскрывает генеалогию отчуждения, коренящуюся не столько во внешних институтах, сколько во внутренней трансформации человеческих страстей при переходе к общественному состоянию. Ключевым для этого анализа является понятие «amour-propre» (сравнительное себялюбие, самолюбие), которое Руссо противопоставляет естественному «amour de soi» (себялюбие, любовь к себе). Если amour de soi — это инстинкт самосохранения и заботы о подлинном благополучии, то amour-propre — это искусственная, социально порожденная страсть, основанная на постоянном сравнении себя с другими, зависимости от внешнего мнения и жажде превосходства. Именно amour-propre, по Руссо, является источником отчуждения, тщеславия, вражды и утраты аутентичности. Таким образом, современная цифровая среда, построенная на метриках социального одобрения и конкурентной видимости, предстает как мощнейший в истории механизм культивации amour-propre, что позволяет говорить о цифровом amour-propre как о новой парадигме гетерономии и системного отчуждения самости. В свете философской антропологии позиция Жан-Жака Руссо по вопросу о природе современного кризиса может быть сформулирована следующим тезисом: корень антропологического отчуждения и утраты аутентичности лежит не в самом технологическом прогрессе, а в той социальной и психологической динамике, которую он интенсифицирует, а именно в систематической подмене естественных потребностей (amour de soi) ис-

кусственными, порождаемыми сравнительным себялюбием (*amour-propre*) и ведущими к установлению новой формы гетерономии. Однако из необходимости компенсации своей слабости в объединении с другими Руссо, говоря о человеческом счастье, возвращается к основам общества — интересам личности: «Именно любовь каждого к самому себе становится любовью к другим людям... “Распространим свое самолюбие на другие существа — таким путем мы превратим его в добродетель”» [Руссо Ж.-Ж., 1981, с. 284].

В рамках данного положения Руссо проводит фундаментальное для его антропологии различие. Так, *Amour de soi* (Любовь к себе) — врожденный инстинкт самосохранения и заботы о благополучии, удовлетворяемый подлинными потребностями и не враждебный другим. *Amour-propre* — самолюбие как искусственная страсть, рождающаяся исключительно в обществе и основанная на постоянном сопоставлении себя с другими. Ее источник — не естественная нужда, а зависимость от внешнего мнения и стремление к превосходству. Именно эта страсть, по Руссо, порождает «ненавистные и гневные» чувства — зависть, тщеславие, вражду — и является двигателем социального отчуждения.

Проецируя эту концептуальную схему на реалии цифровой эпохи, можно утверждать, что алгоритмические платформы и экономика внимания становятся совершенным механизмом культивации самолюбия. Они институционализируют «зависимость от мнения» через метрики лайков и подписчиков, а «многочисленность потребностей» — через бесконечную генерацию новых дефицитов и моделей потребления. Таким образом, цифровая среда не просто отвлекает, как светская суэта во времена Руссо, а системно конституирует децентрированного субъекта, чьи желания и самооценка оказываются в радикальной гетерономии от внешних, алгоритмически управляемых сигналов. Выход из этого отчуждения, следуя логике Руссо, лежал бы не в техническом «детоксе», а в радикальной моральной реформе, направленной на распознавание и сокращение искусственных «новых потребностей» и восстановление суверенитета аутентичного «естественного себя» над социально сконструированным самолюбием.

Экзистенциальный шок и технологические анестетики

Если концепция «*amour-propre*» у Руссо объясняет, почему человек в обществе склонен бежать от себя в погоне за внешними подтверждениями, то философия Л.Н. Толстого вскрывает экзистенциальную цену этого бегства, обнажая тот онтологический шок — ужас перед смертью и смыслоутратой, — который настигает индивида, прожившего жизнь в плену «общего шаблона». Толстой доводит логику руссоистской гетерономии до ее экзистенциального предела: если *amour-propre* систематически отвлекает нас от аутентичных потребностей (*amour de soi*), то итогом становится жизнь, в которой не осталось ничего подлинного перед лицом смерти. Таким образом, толстовский экзистенциальный шок предстает как неизбежная расплата за жизнь, управляемую сравнительным себялюбием.

Эта связь позволяет увидеть в современных «технологических анестетиках» не просто новые развлечения, а закономерное и предельное развитие механизмов *amour-propre*. Если во времена Руссо и Толстого для бегства от себя требовалось личное участие в социальных ритуалах, то сегодня алгоритмические платформы, следуя той же логике отвлечения и внешней валидации, автоматизируют и интенсифицируют этот процесс, предлагая мгновенные симулякры осмысленности и блокируя саму возможность переживания толстовского шока, а значит, и импульса к экзистенциальному пробуждению.

Экзистенциальный ужас перед смертью, столь ярко описанный Л.Н. Толстым в «Смерти Ивана Ильича» [Толстой Л.Н., 1999b] и «Исповеди», выступает в его философии центральным катализатором поиска смысла. Этот онтологический шок, обнажающий тщету жизни, прожитой «как все» в погоне за социальными условностями, призван совершить переворот в сознании, заставив индивида обратиться к вопросам подлинного бытия. Однако в цифровую эпоху этот каталитический механизм сталкивается с беспрецедентными вызовами, порождаемыми технологиями, которые предлагают не преодоление экзистенциальной тревоги через внутреннюю работу, а ее систематическое избегание через две основные формы симуляции.

В свете философско-антропологического анализа ключевой характеристикой современного общества выступает феномен тотальной дистрибуции внимания, представляющий собой технологически усиленную и систематизированную реализацию экзистенциальной стратегии избегания. Если в эпоху Л.Н. Толстого уход от «проклятых вопросов» бытия осуществлялся через социально-ритуальные формы (пьянство, азартные игры, светскую суету), то сегодня его материальной основой стали бесконечный скроллинг новостных и социальных лент, иммерсивные видеоигры с их дофаминовыми петлями и непрерывный потоковый контент: «Нестабильная обстановка, снижение доходов, риск из-за искусственного интеллекта, стресс и выгорание провоцируют изменение характера медиапотребления, людям необходим позитивный контент, причем легкий...» [Зорина М.В., 2025, с. 207]. Практическим воплощением этого является архитектура платформ вроде TikTok, где алгоритм, минимизируя паузы для рефлексии, поставляет пользователю непрерывную цепь микрораздражителей, тем самым обеспечивая перманентное отвлечение.

В данной статье проводится, однако, не просто историческое сравнение развлечений, а осуществляется анализ структурного подобия двух модусов отчуждения: социально-ритуального в XIX в. и алгоритмически-платформенного в XXI в. Данный подход является ключевым методологическим тезисом. Речь идет о выявлении единой антропологической константы — бегства от аутентичного существования и рефлексии, которая в разные исторические периоды обретает различные, но функционально изоморфные институциональные и технологические формы. Таким образом, сквозь призму толстовской критики «общего шаблона» и неподлинности просматривается суть современной дистрибуции как нового механизма гетерономии, поддерживающего децентрированного субъекта в состоянии экзистенциальной рассеянности и блокирующего возможность обретения онтологического суверенитета. Этот структурный анализ позволяет преодолеть поверхностное противопоставление эпох и выявить глубинные механизмы антропологического кризиса, связанные с утратой субъектом суверенного контроля над своим вниманием и экзистенциальным выбором.

Данный феномен можно осмыслить как воплощение гегелевской «дурной бесконечности» — не восхождения к Абсолюту, а бесцельного и однородного протяжения, где каждый элемент (пост, видео, клик) эквивалентен другому и не ведет к качественному преобразованию сознания. Таким образом, цифровая дистрибуция функционирует как глобальный анестетик, подавляющий саму возможность возникновения экзистенциального вопроса.

Параллельно с этим развивается и другой, более радикальный проект — симулякр технологического бессмертия, но получить бессмертие «значит убить человека, уничтожить все, что есть в нем ценного, разрушить добро и все его задачи. В этом состоит горькая ирония личного бессмертия» [Ланц Г.Э., 1913]. И если дистрибуция предлагает забыть о смерти, то стратегия технологического бессмертия претендует на ее прямое преодоление через технические средства. Речь идет о создании чат-ботов, обученных на наших цифровых следах — письмах, фотографиях, сообщениях, — которые имитируют личность после биологической смерти пользователя. Проекты вроде «HereAfter AI» (создатель Джеймс Влахос), позволяющие общаться с интерактивными версиями умерших близких с помощью искусственного интеллекта, или проекты по «загрузке сознания» — гипотетическая технология, при которой все, что делает человека человеком (память, сознание, личность, мышление), переносится в цифровую форму и существует в компьютере. Вместе с тем Рэй Курцвейл (технический директор в области машинного обучения и обработки естественного языка в Google) считает, что примерно к 2045 г. будет технически возможно копировать мозг и сознание на цифровую платформу: «...в ближайшем будущем нам удастся подключить компьютеры непосредственно к мозгу. В основе этих достижений лежит принцип, который я называю законом ускорения отдачи. Он гласит, что стоимость продуктов информационных технологий снижается в геометрической прогрессии, поскольку каждое новое открытие делает разработку следующих поколений таких инструментов более простой» [Курцвейл Р., 2025, с. 12]. По его мнению, это позволит достичь бессмертия, и предлагается именно эта форма симуляции преодоления не-бытия.

Практически это выражается в том, что человек, подобно герою британского научно-фантастического телесериала-антологии «Черное зеркало», созданного Чарли Брукером, где идет отсылка к черным дисплеям электронных гаджетов (телефона, компьютера и др.), может оставить после себя цифровую копию, с которой смогут взаимодействовать его потомки: «Контекст рецепции “Черного зеркала” как шоу, которое запойно смотрится фанатами, несмотря на отсутствие у него явной сериальности, связывает его с переживаниями сакрального в мире повседневного потребления» [Хиллс М., 2019, с. 105]. Действительно, если нет сакрального, то не может быть и профанного.

Однако с позиции толстовской антропологии оба этих ответа являются глубинно неподлинными. Они представляют собой не решение экзистенциальной проблемы, а ее тотальное вытеснение или подмену. Дистрибуция, по сути, есть бегство от самого вопроса о смысле на фоне осознания конечности. Цифровое же бессмертие — это попытка дать технологический ответ на вопрос, который по своей природе является этическим и духовным. Толстой настаивал, что принятие смерти есть интенсивная внутренняя работа по переоценке всей жизни, обретению веры и любви, которая одна лишь и придает существованию нравственный вес и полноту. Проект же создания цифрового двойника подменяет эту работу по спасению души техническим дублированием ее внешней оболочки, симуляцией личности без ее экзистенциального ядра.

Следовательно, технологические симулякры бессмертия и тотальной отвлеченности, предлагаемые эпохой ИИ, оборачиваются не преодолением, а углублением экзистенциального отчуждения. Они позволяют человеку проживать жизнь, так и не столкнувшись с ее фундаментальным условием — конечностью, тем самым лишая ее подлинного смысла и трагического достоинства, которые, как учил Л.Н. Толстой, рождаются именно из мужественного приятия не-бытия и совершенной в его свете работы духа.

Таким образом, развитие генеративного ИИ представляет собой не разрешение, но существенную интенсификацию ключевых антропологических вызовов современности. Данный

процесс можно концептуализировать как радикализацию экзистенциального разрыва — фундаментальной диссоциации между человеческой самостью и ее технологическими медиациями. Наиболее остро этот разрыв проявляется в сфере идентичности, обостряя до предела кризис аутентичности. Способность генеративных моделей продуцировать контент (текстовый, визуальный, аудиовизуальный), миметически неотличимый от продуктов человеческой деятельности, ставит под сомнение саму возможность континуитета и целостности «Я».

В данной статье ключевым методологическим принципом является отказ от механической рецептурности и догматического следования учению Л.Н. Толстого. Осуществляется философская трансплантация его идей, направленная на выявление универсального экзистенциального ядра — критики гетерономии и поиска аутентичности. Именно это ядро признается продуктивным для анализа любых систем отчуждения, включая современную технологическую. Таким образом, концепт «технологического аскетизма» рассматривается в статье не как догматическое применение, а как современная интерпретация и развитие толстовского императива сознательного самоограничения.

В свете данного подхода обретают свою специфическую актуальность фундаментальные вызовы цифровой эпохи. Во-первых, возникает онтологический вопрос о гарантиях аутентичности самости в условиях, когда алгоритмические системы демонстрируют способность к симуляции индивидуальных предпочтений и коммуникативных актов, порой превосходя в этом самого субъекта. Данная ситуация требует выработки новой, радикальной формы экзистенциальной аскезы — сознательного отказа от делегирования ядерных элементов идентичности непрозрачным операциям искусственного интеллекта, что становится актом утверждения онтологического суверенитета.

Во-вторых, технологическая архитектура современных нейросетевых систем, характеризуемая статусом «черного ящика» (проблема объяснимого ИИ – ХАИ), порождает феномен технологического догматизма. Непроницаемость процесса принятия алгоритмических решений обуславливает необходимость принятия их результатов на веру, формируя тем самым

новую форму отчуждения разума, структурно сопоставимую с религиозным догматом. В данном контексте толстовская критика институциональной церковности и внешнего авторитета обретает новое звучание, трансформируясь в императив постоянной рационально-нравственной рефлексии, направленной на любой технологический императив, претендующий на безальтернативность.

Наконец, трансформация природы труда под воздействием ИИ актуализирует толстовский идеал непосредственного отношения к миру через физический труд как основу нравственной цельности. Автоматизация не только рутинных, но и креативных функций высвобождает человеческое время, создавая историческую бифуркацию: с одной стороны, это потенциал для возвращения к подлинной экзистенции (творчеству, духовному поиску), а с другой — риск погружения в состояние тотальной дистрибуции внимания, гедонистического потребления и экзистенциального вакуума. Таким образом, философско-антропологическая оптика, унаследованная от Толстого, позволяет не просто констатировать данные вызовы, но и концептуализировать их как новые формы старой борьбы за аутентичное человеческое бытие перед лицом систем, производящих гетерономию и отчуждение.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что философское наследие Л.Н. Толстого предлагает не только историко-культурную аналогию, но и выполняет функцию строгого герменевтического ключа для диагностики антропологического кризиса, индуцированного цифровым укладом. Его категориальный аппарат — «неподлинное существование», «общий шаблон», «внутренний свет» — позволяет концептуализировать системные вызовы, бросающиеся технологической средой: от редукции человека к данным до симуляции бессмертия. Более того, толстовская мысль намечает контуры возможного сопротивления. Это сопротивление мыслится не в регрессивной форме технологического луддизма, противостоящего достижениям инновационных технологий, а в форме сознательного, осмысленного аскетизма, проявляющегося в избирательном использовании технологий, сопряженных с утверждением нереду-

цируемой экзистенциальной правды человеческого бытия, его конечности и свободы, перед лицом его все более совершенной алгоритмической симуляции. В конечном счете, Толстой напоминает, что любой технологический вызов — это в первую очередь вызов экзистенциальный, требующий не технического решения, а морального выбора и духовной ясности.

Список литературы

- Бердяев Н.* О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
- Болбаков Р.Г.* Информационная когнитология: монография. М.: МАКС Пресс, 2017. 80 с. EDN: ZRZISL
- Володин А.Ю.* Современные цифровые практики историков в контексте датафикации // Естественные научные методы в цифровой гуманитарной среде: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Пермь, 15–18 мая 2018 г.) / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2018. С. 23–26. EDN: YQGBNR
- Гуссерль Э.* Избранные работы: пер. с нем. М.: Территория будущего, 2005. 458 с. EDN: RAYVTX
- Зорина М.В.* Особенности потребления контента в эпоху нейросетей и клипового мышления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 7–2(106). С. 207–211. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2025-7-2-207-211>. EDN: NQIZMT
- Кузнецов А.В., Шахов В.В., Зуткин Л.А., Монастырская И.А.* Ключевые экзистенциальные аспекты идентичности человека в информационной среде в контексте сопряжения дискурсов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Т. 14, № 6А. С. 34–43. EDN: ABFFRY
- Курицевил Р.* Революция разума: на подступах к Сингулярности: как технологии изменят общество и сознание / пер. с англ. А.А. Алексева. М.: Эксмо, Бомбора, 2025. 560 с.
- Кутырев В.А.* Человеческое и иное: борьба миров / Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, Междунар. каф. ЮНЕСКО по философии и этике СПб. науч. центра РАН. СПб.: Алетей, 2009. 262 с. EDN: QWUVBJ
- Ланц Г.Э.* Вопросы и проблемы бессмертия // Логос. М.: Поставщик двора Его Величества скоропечатни А.А. Левенсон, 1913. Кн. 3 и 4. С. 249–267.
- Павлова Е.Д.* Сознание в информационном пространстве. М.: Academia, 2007. 684 с. EDN: QWRDSX

Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. / сост. А.Н. Джуринский; под ред. и с предисл. Г.Н. Джибладзе. М.: Педагогика, 1981. Т. 2. 336 с.

Толстой Л.Н. Исповедь. О жизни. М.: АСТ, 2024. 288 с.

Толстой Л.Н. Крейцерова соната // Толстой Л.Н. Повести и рассказы / сост. и комм. С.Г. Бочарова. М.: Слово, 1999. С. 321–390.

Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича // Толстой Л.Н. Повести и рассказы / сост. и комм. С.Г. Бочарова. М.: Слово, 1999. С. 245–320.

Толстой Л.Н. Хозяин и работник // Толстой Л.Н. Повести и рассказы / сост. и комм. С.Г. Бочарова. М.: Слово, 1999. С. 391–430.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. Харьков: Фолио, 2003. 512 с.

Хиллс М. «Черное зеркало», имплицитная религия и сакрализация «запойных просмотров» научной фантастики / пер. с англ. Н. Афанасова // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37, № 3. С. 102–123. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-3-102-123>. EDN: JZIMMK

Шелер М. Человек в эпоху уравнивания // Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А.В. Денежкина и др. М.: Гнозис, 1994. С. 98–128.

References

Berdyayev, N. (1993). *O naznachanii cheloveka* [The destiny of man]. Moscow: Respublika Publ., 383 p.

Bolbakov, R.G. (2017). *Informatsionnaya kognitologiya* [Information cognitive science]. Moscow: MAKS Press, 80 p.

Heidegger, M. (2003). *Bytie i vremya* [Being and time]. Kharkov: Folio Publ., 512 p.

Hills, M. (2019). [Black mirror, implicit religion and the sacralisation of bingeing science fiction]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. Vol. 37, no. 3, pp. 102–123. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-3-102-123>

Husserl, E. (2005). *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Territoriya buduschego Publ., 458 p.

Kurzweil, R. (2025). *Revolutsiya razuma: na podstupakh k singulyarnosti: kak tekhnologii izmenyat obshchestvo i soznanie* [The Singularity is nearer: When we merge with AI]. Moscow: Eksmo Publ., Bombora Publ., 560 p.

Kutyrev, V.A. (2009). [The human and the other: the struggle of worlds]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 262 p.

Kuznetsov, A.V., Shakhov, V.V., Zutkin, L.A. and Monastyrskaya, I.A. (2025). [Key existential aspects of human identity in the information environment: a discourse convergence perspective]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]. Vol. 14, no. 6A, pp. 34–43.

Lanz, G.E. (1913). [Issues and problems of immortality]. *Logos*. Moscow: Postavshhik dvora Ego Velichestva skoropechatni A.A. Levenson Publ., book 3–4, pp. 249–267.

Pavlova, E.D. (2007). *Soznanie v informatsionnom prostranstve* [Consciousness in the information space]. Moscow: Academia Publ., 684 p.

Rousseau, J.-J. (1981). *Pedagogicheskie sochineniya: v 2 t.* [Pedagogical works: in 2 vols]. Moscow: Pedagogika Publ., vol. 2, 336 p.

Scheler, M. (1994). [Man in epoche of equalization]. *Scheler M. Izbrannye proizvedeniya* [Scheler M. Selected works]. Moscow: Gnozis Publ., pp. 98–128.

Tolstoy, L.N. (2024). *Ispoved'. O zhizni* [A confession. On life]. Moscow: AST Publ., 288 p.

Tolstoy, L.N. (1999). [Master and workman]. *Tolstoy L.N. Povesti i rasskazy* [Tolstoy L.N. Novellas and short stories]. Moscow: Slovo Publ., pp. 391–430.

Tolstoy, L.N. (1999). [The death of Ivan Ilyich]. *Tolstoy L.N. Povesti i rasskazy* [Tolstoy L.N. Novellas and short stories]. Moscow: Slovo Publ., pp. 245–320.

Tolstoy, L.N. (1999). [The Kreutzer sonata]. *Tolstoy L.N. Povesti i rasskazy* [Tolstoy L.N. Novellas and short stories]. Moscow: Slovo Publ., pp. 321–390.

Volodin, A.Yu. (2018). [Actual digital practices of historians in the context of datafication]. *Estestvennonauchnye metody v tsifrovoy gumanitarnoy srede: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Perm', 15–18 maya 2018 g.)* [Natural Science Methods in The Digital Humanitarian Environment: Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation (Perm, May 15–18, 2018)]. Perm: PSU Publ., pp. 23–26.

Zorina, M.V. (2025). [Peculiarities of content consumption in the era of neural networks and clip thinking]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. No. 7–2(106), pp. 207–211. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2025-7-2-207-211>

Об авторах

Когай Евгения Анатольевна

доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии

Курский государственный университет,
305000, Курск, ул. Радищева, 33;
e-mail: eakogay@mail.ru
ResearcherID: B-4772-2016

Кузнецов Андрей Владимирович

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры информационно-
компьютерных технологий в деятельности
органов внутренних дел

Белгородский юридический институт МВД России
им. И.Д. Путилина,
308024, Белгород, ул. Горького, 71;
e-mail: kuzandr@mail.ru
ResearcherID: E-9933-2014

Акапьев Виктор Львович

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры информационно-компьютерных
технологий в деятельности органов внутренних дел

Белгородский юридический институт МВД России
им. И.Д. Путилина,
308024, Белгород, ул. Горького, 71;
e-mail: akapevv1@yandex.ru

About the authors

Evgeniya A. Kogay

Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of Sociology

Kursk State University,
33, Radishchev st., Kursk, 305000, Russia;
e-mail: eakogay@mail.ru
ResearcherID: B-4772-2016

Andrey V. Kuznetsov

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Information
and Computer Technologies in the Operations
of Internal Affairs Agencies

Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
71, Gorky st., Belgorod, 308024, Russia;
e-mail: kuzandr@mail.ru
ResearcherID: E-9933-2014

Viktor L. Akapev

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Information
and Computer Technologies in the Operations
of Internal Affairs Agencies

Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
71, Gorky st., Belgorod, 308024, Russia;
e-mail: akapevv1@yandex.ru